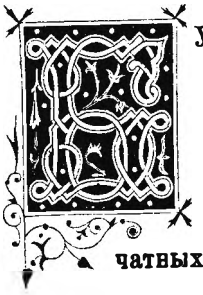
ВАРШАВА ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ памятной книжки).

УДУЧИ, въ 1861 году, свидѣтелемъ того, что совершалось въ царствѣ Польскомъ, я вносилъ въ мою памятную книжку все мною видѣнное и слышанное. Теперь я рѣшился напечатать выдержки изъ этой книжки, на томъ основаніи, что, быть можетъ, эти строки пополнятъ пробѣлъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя уже имѣются въ разныхъ печатныхъ статьяхъ о послѣднихъ польскихъ смутахъ.

I.

Вызовъ мой въ Варшаву княземъ М. Д. Горчаковымъ. — Замѣна его Сухозанетомъ. — Свиданіе мое съ графомъ К. К. Ламбертомъ. — Первыя демонстраціи, видѣнныя мною въ Ковно и Остроленкѣ. — Отвѣтъ на мое письмо графа Ламберта. — Прибытіе мое въ Варшаву. — Хрулевъ, Крыжановскій. — Первый мой визитъ Сухозанету. — Софьино. — Подвысоцкій. — Недозволеніе печатать мои корреспонденціи, не взирая на одобреніе ихъ намѣстникомъ. — Мнѣніе Сухозанета о междоусобной войнѣ въ Америкѣ. — Составъ варшавской администраціи.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года, я былъ вызванъ намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, «для составленія статей (въ русскія и иностранныя газеты), относящихся до Польши, по свѣдѣніямъ, которыя я могу собрать на мѣстѣ, и изъ источниковъ, которые мнѣ укажетъ намѣстникъ».

Мнѣ, однако же, не удалось застать въ живыхъ князя Горчакова, и я пріѣхалъ въ Варшаву, когда исправляющимъ должность намѣстника назначенъ былъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ.

Наканунѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, я видѣлся съ графомъ Карломъ Карловичемъ Ламбертомъ, который предназначался въ то время на мѣсто варшавскаго генералъ-губернатора Мерхелевича[1]). Графъ Ламбертъ просилъ меня писать ему изъ Варшавы, такъ какъ онъ предполагалъ остаться въ Петербургѣ еще мѣсяца полтора, или два.

Вотъ письмо, которое я написалъ графу Ламберту, недѣли черезъ двѣ или три по моемъ пріѣздѣ въ Варшаву:

«Милостивый государь,

«графъ Карлъ Карловичъ.

«Прощаясь со мною въ Петербургѣ, ваше сіятельство просили меня сообщить вамъ впечатлѣнія, которыя произведетъ на меня Варшава въ настоящемъ ея положеніи.

«Исполняя желаніе ваше, позволю себѣ прежде сказать нѣсколько словъ о Ковно и Остроленкѣ, давшихъ мнѣ предварительное понятіе о характерѣ, — и въ особенности о двигателяхъ, — польскихъ уличныхъ смутъ.

«Въ Ковно, ожидая экипажа на улицѣ, я былъ пораженъ стеченіемъ народа, или, точнѣе, массы женщинъ, бѣжавшихъ въ костелъ Бернардинскаго монастыря, находящагося близь почтовой станціи. Я вошелъ съ толпою въ церковь. Обѣдня, повидимому, кончилась, священникъ стоялъ на колѣняхъ предъ алтаремъ. Органъ сильно тянулъ одну ноту[2]).

«По входѣ въ церковь, всѣ становились на колѣна, и наконецъ, когда собралось уже человѣкъ двѣсти, водворилась въ храмѣ совершенная тишина.

«По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, ксендзъ обратился къ толпѣ и, благословивъ ее, началъ пѣть извѣстный гимнъ объ освобожденіи Польши. Тотчасъ по окончаніи ксендзомъ гимна, послышались звуки органа, и всѣ присутствовавшіе хоромъ продолжали пѣть тотъ же гимнъ. Это продолжалось болѣе получаса.

«Большая часть присутствовавшихъ, какъ я сказалъ выше, состояла изъ женщинъ, но между ними было нѣсколько весьма дурно одѣтыхъ мужчинъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ классу ремесленниковъ, и человѣкъ шесть-семь гимназистовъ—мальчиковъ, отъ

---

[1]) Это предположеніе, какъ извѣстно, измѣнилось впослѣдствіи, и графъ Ламбертъ явился въ Варшаву намѣстникомъ.

[2]) Я узналъ послѣ, что помощью органа, который слышался на улицѣ, сзывали паству въ церковь въ экстренныхъ случаяхъ.

12 до 14 лѣтъ, которые, во время пѣнія гимна, смѣялись и толкали другъ друга.

«Во время пѣнія вошелъ въ церковь и подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ (судя по вицъ-мундиру) и шепотомъ на ухо сказалъ мнѣ: «Совѣтую вамъ оставить церковь, потому что васъ примутъ за шпека (шпіона) и могутъ прибить». Я, однако же, не нашелъ нужнымъ послѣдовать этому совѣту, и меня никто не тронулъ. По окончаніи пѣнія, ксендзъ вновь благословилъ свою паству, и всѣ разошлись.

«Въ почтовой конторѣ, куда долженъ былъ прибыть экипажъ, чтобы взять меня для дальнѣйшаго пути, многіе изъ публики разсказывали мнѣ, что народъ ежедневно собирается въ костелъ и поетъ революціонные гимны; что въ городѣ совершенно отсутствуетъ полицейская власть, что русскимъ нѣтъ житья отъ поляковъ, что губернаторъ отсутствуетъ и что поляки его ненавидятъ.

«Это было, такъ сказать, введеніемъ того, что я вижу въ настоящую минуту, ежедневно, въ Варшавѣ.

«Вторую демонстрацію я засталъ въ Остроленкѣ. Здѣсь многочисленная толпа, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стремилась по направленію къ памятнику, воздвигнутому нами въ память войны 1830 года.

«Несли образа, кресты, хоругви, предшествуемые литаврами, предназначенными для сбора публики. Число женщинъ въ толпѣ преобладало, какъ нужно полагать, потому, что были будни, задержавшіе мужское населеніе на работѣ.

«Предводителемъ шествія былъ ксёндзъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ затянулъ гимнъ, слышанный уже мною въ Ковнѣ; толпа хоромъ вторила ему. Шествіе, въ этомъ порядкѣ, при пѣніи гимна, шло изъ церкви, чрезъ городскую площадь, къ памятнику, находящемуся почти внѣ города.

«Въ толпѣ, къ которой я присоединился, мнѣ показалось болѣе чѣмъ страннымъ замѣтить четырехъ солдатъ, которые, съ обнаженными головами, сопровождали процессію. Полагая, что они поляки, я попросилъ спутника моего, хорошо владѣвшаго польскимъ языкомъ, спросить ихъ: что они тутъ дѣлаютъ и по случаю какого праздника у нихъ крестный ходъ? Оказалось, что солдаты русскіе православные, попольски ничего не понимаютъ и пришли изъ любопытства (это ихъ подлинныя слова) посмотрѣть, какъ хоронятъ польскую богородицу, которая «поихнему» умерла наканунѣ и завтра воскреснетъ по польской вѣрѣ.

«Когда голоса стихли и шествіе подошло къ памятнику, ксёндзъ взлѣзъ на сколоченный изъ досокъ ящикъ и сдѣлался, такимъ образомъ, видимъ для всей толпы.

«По прочтеніи, шопотомъ, какой-то молитвы, онъ обратился къ

народу съ восклицаніемъ: «Братья, вѣрные поляки»! и съ неимовѣрно уродливыми, дикими жестикуляціями началъ проповѣдовать о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ Польшею подъ игомъ иноплеменныхъ; о гоненіяхъ, которымъ подвергалась и подвергается римско-католическая религія въ странѣ, гдѣ исполнители повелѣній власти хуже мусульманъ; о несчастномъ положеніи ограбленныхъ поселянъ, о необходимости свергнуть иго варваровъ; о готовности въ настоящую минуту всей Польши — какъ русской, такъ и прусской и австрійской—возстать поголовно и превратиться въ независимое государство. Ксёндзъ окончилъ слѣдующими словами: «Расходитесь, братья, по своимъ хатамъ! Чтобы каждый изъ васъ передалъ семейству и ближнимъ, что настала минута, когда Спаситель и Пресвятая Дѣва Марія, сжалившись надъ страдальцами-поляками, дозволили имъ возстать единодушно и жертвовать всѣмъ для того, чтобы возвратить утраченную ими, за грѣхи отцовъ, свободу. Счастливы, спасены и святы будутъ тѣ изъ васъ, которые лишатся жизни во славу отчизны и во спасеніе попранной религіи!»

«По окончаніи проповѣди, ксёндзъ сталъ на колѣна; за нимъ преклонилась вся толпа. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ совершеннаго молчанія, ксёндзъ осѣнилъ толпу крестнымъ знаменіемъ, и процессія, подъ его предводительствомъ, въ прежнемъ порядкѣ, двинулась по направленію къ церкви, съ пѣніемъ того же національнаго гимна.

«Отъ Ковна до самой Варшавы, я почти во всѣхъ городахъ слышалъ гимнъ этотъ, который пѣли женщины передъ костелами.

«По пріѣздѣ въ Варшаву, я остановился въ Европейской гостинницѣ, но въ тотъ же день переѣхалъ въ приготовленную для меня въ Замкѣ квартиру.

«Все, что дѣлается здѣсь, на глазахъ моихъ, кажется мнѣ чѣмъ-то неестественнымъ: какое-то лихорадочное состояніе замѣчается въ нашей администраціи; она гоняется за какими-то призраками, съ которыми старается вступить въ борьбу. Уличныхъ безпорядковъ до сихъ поръ при мнѣ еще не было, если не считать безпорядками ежедневныя стеченія народа у костёловъ и на кладбищахъ, съ пѣніемъ все того же гимна.

«Смѣю думать, что не на Варшаву слѣдуетъ обращать главное вниманіе, а на всю Польшу, и преимущественно на дѣйствія духовенства, которое служитъ орудіемъ возбужденія массъ къ безпорядкамъ и несбыточнымъ надеждамъ поляковъ.

«Клерикальная партія дѣйствуетъ совокупно съ лицами, находящимися во главѣ предполагаемаго возстанія.

«Естественно, что, подъ предлогомъ освобожденія Польши, клерикалы и клевреты ихъ стараются пріобрѣсти власть надъ наро-

домъ и такимъ образомъ упрочить свое матеріальное благосостояніе, которое пошатнулось въ послѣднее время.

«Уличные безпорядки, какъ я полагаю, служатъ лишь осёлкомъ, на которомъ дѣлается проба нравственной и матеріальной силы нашей администраціи. Коноводы смѣются изподтишка надъ страхомъ, который они наводятъ на слабонервныхъ нашихъ администраторовъ.

«Въ заключеніе, еще разъ повторю: провинція для насъ, какъ я смѣю полагать, опаснѣе Варшавы».

На это письмо я получилъ отъ графа К. К. Ламберта слѣдующій лаконическій отвѣтъ:

«Mercі pour votre charmante lettre!»...

Что нашелъ онъ милаго въ моемъ письмѣ,—недоумѣваю и до сихъ поръ.

Прибывъ въ Варшаву, я, по совѣту добраго пріятеля моего Степана Александровича Хрулева, отправился сперва къ Н. А. Крыжановскому, бывшему тогда начальникомъ штаба, дабы спросить у него, когда могу явиться къ исправляющему должность намѣстника. Крыжановскій принялъ меня очень радушно и сказалъ, что военный министръ давно меня ждетъ и что я могу тотчасъ же ѣхать къ нему въ Лазенки.

Н. О. Сухозанета я встрѣчалъ неоднократно въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ тамъ командовалъ артиллеріей (зналъ я его, какъ весьма непріятнаго партнера въ вистъ). По пріѣздѣ моемъ въ Лазенковскій дворецъ (лѣтнее пребываніе намѣстника), я велѣлъ доложить о себѣ, и министръ тотчасъ же приказалъ пригласить меня въ свой кабинетъ.

Не видѣвши Сухозанета двадцать лѣтъ, я ужаснулся вліянію на него всеразрушающаго времени. Это былъ дряхлый, желтый, худой старикъ, полулежавшій въ вольтеровскомъ креслѣ. Онъ съ трудомъ поднялся, чтобы протянуть мнѣ руку, и тотчасъ посадилъ меня около себя.

— Быть можетъ:—началъ я,—вашему высокопревосходительству угодно будетъ измѣнить программу моихъ занятій въ Варшавѣ, и въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ приступить къ нимъ, попрошу приказать сообщить мнѣ эти измѣненія, дабы я могъ руководствоваться ими, или отказаться отъ непосильнаго труда.

— Нѣтъ, я не желаю никакихъ измѣненій и прошу васъ дѣлать то, что возлагалъ на васъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, бывшій мой начальникъ и благодѣтель, память котораго для меня священна. Впрочемъ, мнѣ кажется, мы съ вами давно знакомы, еще по Москвѣ? Буду васъ просить пріѣзжать ко мнѣ помосковски: отобѣдать, а вечеркомъ мы съ вами будемъ бесѣдовать о политикѣ и нашихъ дѣлахъ.

Я поблагодарилъ его высокопревосходительство и поспѣшилъ

удалиться, такъ какъ къ нему вошелъ адъютантъ, державшій въ рукахъ какой-то ящикъ, присланный, по словамъ его, супругою военнаго министра [1]), да притомъ же и разговаривать мнѣ было уже не о чемъ съ полуумершимъ старцемъ.

Оглядѣвшись немного, ознакомившись съ городомъ, я принялся за дѣло, т. е. за корреспонденціи и за ежедневную записку, для которой получалъ матеріалы, по указанію военнаго министра, отъ управлявшаго дипломатическою канцеляріею намѣстника—Софьяно, и отъ завѣдовавшаго тайною полиціею—Подвысоцкаго, преемника маркиза Паулучи. Кромѣ того, я имѣлъ очень много свѣдѣній отъ С. А. Хрулева, съ которымъ видѣлся ежедневно, такъ какъ мы жили подъ одной крышей, въ Замкѣ, зимней резиденціи намѣстника царства Польскаго.

Русскія корреспонденціи мои, по предварительному соглашенію моему съ А. А. Краевскимъ, я долженъ былъ посылать въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя въ то время издавалъ онъ съ Очкинымъ. Въ первой корреспонденціи я сообщалъ то, что было изложено мною въ письмѣ къ графу Ламберту. Не взирая на то, что корреспонденція была предварительно прочитана исправляющему должность намѣстника и имъ одобрена къ печати,— въ Петербургѣ ее не дозволили печатать. Та же судьба постигла и послѣдующія письма мои въ редакцію, что̀ заставило меня прекратить сообщенія въ русскія газеты о томъ, что творится въ Польшѣ. Пришлось довольствоваться посылкою корреспонденцій въ «Indépendance Belge» (газету, получавшую отъ насъ субсидію) и въ «Nord», основанную, какъ извѣстно, на русскія деньги. Впрочемъ, занятій у меня было много, и притомъ весьма интересныхъ: каждое утро я читалъ то̀, что совершалось за границей, по свѣдѣніямъ, получавшимся мною изъ дипломатической канцеляріи; ежедневно тоже знакомился я со всѣмъ, что творилось въ подпольномъ мірѣ Варшавы, по запискамъ, представляемымъ намѣстнику Подвысоцкимъ, и, наконецъ, читалъ множество русскихъ и иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ извлекалъ наиболѣе интересныя статьи для прочтенія военному министру.

При этомъ, не могу умолчать объ одномъ изъ эпизодовъ при чтеніи мною Н. О. Сухозанету какой-то статьи о распрѣ Сѣверныхъ Американскихъ штатовъ съ Южными.

— Да скажите на милость,—вскричалъ военный министръ:— для чего они тамъ ссорятся и дерутся? Вѣдь и тѣ, и другіе—республиканцы! Что жъ имъ еще нужно?

Я объяснилъ его высокопревосходительству причину борьбы Сѣвѣрной Америки съ Южною, но Н. О. все твердилъ свое и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

[1]) Сухозанетъ былъ женатъ на княжнѣ Яшвиль, съ которой я былъ знакомъ тоже въ Москвѣ.

— Знаете что, любезный другъ! я уже отсталъ отъ времени, и новыхъ теорій и политическихъ порядковъ не понимаю; составьте-ка мнѣ объ этихъ штатахъ подробную докладную записку, которую я бы могъ обсудить въ свободное время.

Записки этой я, естественно, не составилъ и больше никогда ничего не сообщалъ Сухозанету объ американцахъ, о которыхъ онъ очень скоро и позабылъ.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то нашелъ тамъ слѣдующую администрацію:

Военно-административною частью завѣдовалъ начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ и ея предмѣстьяхъ, извѣстный севастопольскій герой Степанъ Александровичъ Хрулевъ. Городъ былъ раздѣленъ, въ военно-административномъ отношеніи, на нѣсколько отдѣловъ, которые состояли въ вѣдѣніи генераловъ: Шейдемана (бывшаго когда-то адъютантомъ Сухозанета въ Москвѣ), Шепелева, Веселицкаго и четвертаго, фамилію котораго я забылъ.

Оберъ-полицеймейстеромъ былъ Развадовскій, при которомъ полиція въ городѣ въ сущности не существовала; изрѣдка только можно было встрѣтить полиціанта въ треуголкѣ, старавшагося всегда скрыться, когда что нибудь совершалось на улицѣ неладное. Полицейскіе были кровные поляки, сочувствовавшіе уличнымъ безпорядкамъ и революціоннымъ прокламаціямъ, которыя, среди бѣлаго дня, наклеивались на стѣнахъ угловыхъ домовъ и на заборахъ.

Генералъ-губернаторомъ былъ Мерхелевичъ (полякъ), искавшій популярности въ польской средѣ, но не достигшій своей цѣли по безтолковости дѣланныхъ имъ распоряженій и по чрезвычайно робкому своему характеру, который былъ причиною постоянной лихорадки, его не покидавшей.

Генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (братъ бывшаго министра путей сообщенія) былъ варшавскимъ комендантомъ.

Начальникомъ штаба, какъ я уже упомянулъ выше, былъ генералъ Крыжановскій, имѣвшій огромное вліяніе на Сухозанета.

Негласными заправителями судебъ Польши были маркизъ Веліопольскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Енохъ (изъ евреевъ, креатура Веліопольскаго), человѣкъ очень ловкій, умѣвшій искусно ловить рыбу въ мутной водѣ и добившійся даже званія статсъ-секретаря [1]).

---

[1]) Енохъ, не взирая на двойственную роль, которую онъ игралъ во все время послѣднихъ польскихъ смутъ, по выходѣ въ отставку получилъ большую пенсію и, какъ мнѣ говорили, былъ нашимъ тайнымъ агентомъ въ Парижѣ.

Замѣчательно, что между всѣми помянутыми лицами не только не господствовало никакого единства, но они другъ друга положительно ненавидѣли, а надъ Сухозанетомъ многіе изъ нихъ насмѣхались, называя его «выжившимъ изъ ума старикомъ».

II.

Неосновательное обвиненіе Сухозанета. — Наслѣдство, оставленное ему княземъ Горчаковымъ. — Предшествовавшія событія. — Мирославскій. — Его помилованіе королемъ прусскимъ. — Дѣйствія его, какъ главы красной партіи. — Бездѣйствіе нашей администраціи. — Первыя проявленія дѣятельности Мирославскаго. — Секретарь и казначей Мирославскаго — Куржина. — Безпорядки студентовъ медико-хирургической академіи и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній. — Безпорядки по поводу арестованія Янковскаго. — Пасквильная сцена въ театрѣ. — Безрезультатныя мѣры полиціи. — Надежда князя Горчакова открыть зерно заговора. — Уличная демонстрація 17-го ноября 1860 года. — Мальчишки и училищное начальство. — Пораженіе послѣдняго первыми. — Процессія 13-го февраля 1861 года. — Встрѣча двухъ враждебныхъ лагерей. — Сапожникъ Килинскій. — Подвиги Заболоцкаго. — Польскіе «апостолы-мученики».

Сухозанета многіе обвиняли въ томъ, что онъ не съумѣлъ быть на высотѣ своего призванія и не зналъ во время совладать съ видимо подготовлявшимся возстаніемъ. Не считая себя въ правѣ защищать покойнаго военнаго министра, я, всетаки, нахожу справедливымъ указать на преклонныя лѣта Сухозанета, на его болѣзненное состояніе въ то время, когда его назначили исправляющимъ должность намѣстника царства Польскаго, а съ этимъ вмѣстѣ — и на то неотрадное наслѣдство, которое оставилъ ему его «благодѣтель», князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Съ цѣлью указать на свойства этого наслѣдства, считаю нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на событія, совершавшіяся въ Польшѣ съ 1846 года. Въ это время, вслѣдствіе нераціональныхъ административныхъ мѣръ, направленныхъ противъ юношества, воспитывавшагося въ школахъ, образовалась за границей партія красныхъ, стремившаяся къ возстановленію Польши, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго государства, путемъ вооруженнаго возстанія. Предводителемъ этой партіи явился Мирославскій. Человѣкъ страстный въ высшей степени, съ неукротимымъ, безпокойнымъ характеромъ, подъ вліяніемъ воспаленнаго воображенія и восторженнаго патріотизма, Мирославскій организовалъ отрядъ охотниковъ, которые, въ 1848 году, въ Познани, сражались съ прусскими войсками.

При нѣсколькихъ встрѣчахъ съ регулярнымъ прусскимъ войскомъ, Мирославскій доказалъ, что онъ весьма недурной стратегъ, вслѣдствіе чего произведенъ былъ своею партіею въ чинъ гене-

рала. Дѣйствія Мирославскаго, въ 1848 году, хотя и не имѣли не только никакихъ положительныхъ, но даже и приблизительно удовлетворительныхъ результатовъ для польскаго народнаго дѣла[1]), всетаки, были такъ рельефно-наглядны, заключали въ себѣ такой симпатичный, для того времени, престижъ, что пріобрѣли польскому выходцу популярность неимовѣрную,—популярность, которая, не взирая на послѣдующій, далеко не нравственный образъ жизни агитатора[2]), такъ развилась, что агенты Мирославскаго имѣли и въ шестидесятыхъ годахъ болѣе вліянія на массу, чѣмъ партія умѣренная, опасавшаяся слишкомъ сильныхъ манифестацій и демонстрацій, и въ особенности уличныхъ смутъ и столкновеній съ нашими войсками.

Въ 1856 году, Мирославскій нашелъ возможнымъ дѣйствовать съ бо́льшею надеждою на успѣхъ. Въ это время многіе эмигранты (изъ возвращенныхъ по милостивому манифесту императора Александра Николаевича) явились въ Польшу и западныя губерніи эмиссарами Мирославскаго и Чарторыжскаго.

Ставъ открыто во главѣ заграничной польской партіи, Мирославскій объявилъ, что Польша можетъ быть возстановлена исключительно помощью молодаго поколѣнія и преимущественно молодыхъ людей, находящихся въ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ наводнять Познань, Галицію и царство Польское возмутительными прокламаціями, призывая жителей къ вооруженному возстанію.

Все это совершалось на глазахъ могущественныхъ европейскихъ державъ — Австріи, Пруссіи и Россіи, изъ коихъ первыя двѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій. Вся нѣмецкая пресса вступила въ борьбу съ революціоннымъ началомъ; а мы находились въ совершенномъ бездѣйствіи и, не смотря на то, что должны были знать о существованіи въ Польшѣ двухъ партій, умѣренной и красной,—подъ вліяніемъ какой-то апатіи дали возможность обѣимъ партіямъ окрѣпнуть, сжиться съ мѣстностію и ея населеніемъ и привлечь къ себѣ множество адептовъ.

Партія умѣренная успѣла образовать огромную политическую корпорацію, подъ скромнымъ названіемъ земледѣльческаго общества; а красная—продолжала безнаказанно свою пропаганду въ царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ.

Первыя проявленія дѣятельности партіи Мирославскаго начались въ 1859 году.

Лѣтомъ, въ этотъ годъ, студенты медико-хирургической академіи потребовали отмѣны отяготительнаго, будто бы, для нихъ

[1]) Мирославскій, какъ извѣстно, былъ захваченъ пруссаками, приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ королемъ.

[2]) Онъ проигрывалъ въ карты деньги, высылаемыя ему отъ сборовъ въ церквахъ.

параграфа устава о курсовыхъ экзаменахъ. Естественно, что требованіе это не было удовлетворено. Тогда всѣ студенты, безъ исключенія, подали прошенія объ увольненіи ихъ изъ академіи. Разными путями уговорили, однако же, студентовъ взять просьбы ихъ назадъ; но тотчасъ же исключили многихъ изъ нихъ изъ академіи, въ томъ числѣ Куржину[1]), который, въ 1860 году, сдѣлался секретаремъ Мирославскаго и казначеемъ его для принятія суммъ, образующихся изъ сборовъ, которые дѣлались въ разныхъ городахъ и селеніяхъ царства Польскаго, въ особенности по церквамъ. Всѣ сборы эти, доходившіе до весьма значительныхъ суммъ, посылались Мирославскому въ Парижъ.

Въ 1860 году, неудовольствія воспитанниковъ учебныхъ заведеній развивались все болѣе и болѣе и выражались не только смѣло, но даже съ неимовѣрною наглостію. Училищное начальство, отыскивая тайный заговоръ въ явномъ неповиновеніи начальству молодежи, нарядило слѣдствіе, которое привело къ слѣдующему заключенію: «всѣ студенты академіи, всѣ воспитанники художественной школы и высшихъ классовъ реальныхъ гимназій явно выражаютъ революціонные принципы».

Училищное начальство не на шутку испугалось, потеряло совсѣмъ голову, нашло нужнымъ не принимать вовсе никакихъ мѣръ, уничтожило всякій надзоръ за воспитанниками и было очень довольно, когда послѣдніе оставляли его въ покоѣ.

Непредвидѣнное обстоятельство дало поводъ и случай воспитанникамъ учебныхъ заведеній устроить первую манифестацію въ Варшавѣ,—манифестацію, послужившую образцомъ послѣдующихъ уличныхъ безпорядковъ, въ которыхъ принимала участіе большая часть варшавскаго населенія.

Весною 1860 года, австрійское правительство арестовало въ Краковѣ отставнаго поручика русской службы Янковскаго и нашло нужнымъ передать его варшавскимъ властямъ.

Наркизъ Янковскій уличенъ былъ въ раздачѣ возмутительныхъ прокламацій и въ распространеніи революціонной пропаганды въ средѣ молодаго поколѣнія западныхъ губерній, царства Польскаго и Кракова.

Когда извѣстіе объ арестованіи Янковскаго дошло до студентовъ, они воспользовались похоронами вдовы генерала Совинскаго (убитаго во время штурма Вольскихъ укрѣпленій въ 1831 году) и, собравъ многочисленную партію, увлекли за собою огромную массу населенія, которая сопровождала шествіе отъ церкви до самаго кладбища. Изъ толпы вышли молодые ораторы, объяснившіе народу, до какой степени русская администрація жестоко поступаетъ съ людьми, посвятившими жизнь свою службѣ польской народно-

[1]) Портретъ Куржины продавался при мнѣ еще въ Варшавѣ безпрепятственно.

сти и стяжавшими вѣнецъ мученическій. Имя Янковскаго, какъ одного изъ этихъ мучениковъ, было произнесено на площади и записано народомъ «въ кровавый списокъ жертвъ, пострадавшихъ за свободу отчизны». Подробности этой первой манифестаціи слишкомъ извѣстны, и распространяться о нихъ я считаю излишнимъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ Совинской, начали разсылать по городской почтѣ [1]) грозныя приказанія всѣмъ содержателямъ магазиновъ, лавокъ и торговыхъ заведеній о замѣнѣ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ вывѣсокъ польскими, что̀ и было многими исполнено [2]). Потомъ, помощію тѣхъ же анонимныхъ писемъ, разосланныхъ по городской почтѣ, запрещалось публикѣ присутствовать на увеселеніяхъ, данныхъ по случаю прибытія въ Варшаву прусскаго принца и австрійскаго императора.

Осенью 1860 года, во время пребыванія въ Варшавѣ государя, розыгралась въ театрѣ пасквильная сцена, но не актерами, а зрителями: брошены были въ партеръ стекляные шарики съ вонючею жидкостью, распространившею страшное зловоніе по всему театру. Нѣкоторые изъ коноводовъ этого пошлаго фарса были замѣчены и арестованы, но полицейская мѣра не повела ни къ чему: волненіе росло не по днямъ, а по часамъ.

При такомъ общемъ настроеніи умовъ, при такихъ удачныхъ результатахъ постоянныхъ усилій и настойчивости польскихъ партій, князь Горчаковъ, всетаки, надѣялся открыть зерно заговора помощью допросовъ (которымъ подвергались лица арестованныя), забывая, вѣроятно, что подобный результатъ, послѣ четырехлѣтняго съ нашей стороны бездѣйствія, былъ не только лишенъ вѣроподобія, но рѣшительно невозможенъ. Въ то время, когда слѣдственная коммиссія выбивалась изъ силъ, чтобы добиться признаній отъ арестованныхъ, агенты Мирославскаго дружно продолжали свою работу, и 17 ноября 1860 года, въ день годовщины мятежа 1830 года, сдѣлали еще одну уличную демонстрацію, въ которой приняли уже участіе 10,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были лица, пользовавшіяся большимъ значеніемъ въ обществѣ.

Демонстрація эта, не взирая не ея колоссальность, оставлена была варшавскою администрацією безъ всякихъ послѣдствій. Анонимныя письма и пасквили разносились во всѣ концы города; на улицахъ появились конфедератки и разные фантастическіе костюмы; чиновниковъ и полицію оскорбляли и даже били; наконецъ, воспитанники варшавскаго благороднаго пансіона (которыхъ ученики реальной гимназіи обвиняли въ равнодушіи къ общественному дѣлу и въ недостаткѣ патріотизма) оффиціально по-

---

[1]) Городская почта была при мнѣ закрыта въ Варшавѣ.

[2]) Одинъ портной, не исполнившій этихъ приказаній, былъ почти до смерти избитъ мальчишками.

требовали отъ своего начальства удаленія изъ института всѣхъ русскихъ учениковъ.

Училищное начальство до того растерялось и перепугалось, что, съ разрѣшенія намѣстника, вступило въ переговоры съ мальчишками и упрашивало ихъ отказаться отъ своего требованія! Само собою разумѣется, что буйная молодежь, сильная безсиліемъ своего начальства, не согласилась, и желаніе ея въ точности было исполнено: русскіе были исключены изъ списковъ воспитанниковъ благороднаго пансіона!!

Считаю нужнымъ остановиться на этомъ маловажномъ на первый взглядъ, но въ сущности весьма знаменательномъ событіи. Какое понятіе могли себѣ составить воспитанники благороднаго пансіона о русской администраціи, входящей съ ними, чрезъ посредство училищнаго начальства, въ переговоры и испрашивающей у нихъ позволеніе оставить русскихъ воспитанниковъ въ пансіонѣ? Неестественно ли было, послѣ такихъ выходокъ, то усилившееся развитіе явнаго сопротивленія властямъ, которое, помощію времени, видимо крѣпло и приняло неожиданные размѣры?

Съ наступленіемъ 1861 года, разнесся слухъ о предстоящей процессіи 13-го февраля, по случаю годовщины Гроховскаго сраженія (1831 года). Сообщалось объ этомъ «торжественномъ народномъ шествіи» въ иностранныхъ газетахъ. Администрація наша, послѣ продолжительнаго желанія не вѣрить этому непріятному для нея извѣстію, нашлась, однако же, въ необходимости убѣдиться, что процессія дѣйствительно приготовляется, что въ ней приметъ участіе едва ли не все населеніе Варшавы и что изъ Паулинской церкви, изъ которой шествіе двинется на улицу, вынесутъ польское національное знамя.

Въ назначенный день (13-го февраля), въ три часа по полудни, полицейскіе коммиссары начали расчищать площадь «Стараго Мѣста» и снимать находящіяся на ней деревянныя лавочки, а распорядители процессіи посыпали площадь пескомъ. Первые, по секретному предписанію князя Горчакова, очищали площадь для того, чтобы кавалерія могла дѣйствовать свободнѣе и разгонять толпу; вторые, съ помощью народа, очищали и посыпали площадь для большей торжественности шествія. Два враждебныхъ лагеря сошлись на одномъ и томъ же пунктѣ, занимались одною и тою же работою, помогали одинъ другому для того, чтобы черезъ нѣсколько часовъ вступить въ борьбу. Наконецъ, въ 6 часовъ вечера, когда площадь была готова и когда примыкающія къ ней улицы покрылись густой массой народа (отъ 30—40 тысячъ человѣкъ), когда процессія, съ распущенными польскими знаменами, показалась изъ Паулинской церкви, — тогда только нашли нужнымъ прислать эскадронъ жандармовъ, которые устре-

мились на народъ, топтали его лошадьми, били плашмя саблями, многихъ ранили и, наконецъ, успѣли разогнать толпу.

Событіе это произвело такое сильное раздраженіе въ средѣ варшавскаго населенія, что бо̀льшая часть членовъ земледѣльческаго Общества (державшихся въ сторонѣ во время манифестацій) нашли нужнымъ присутствовать при богослуженіи 15-го февраля, по поводу событія на «Старомъ Мѣстѣ», и при безпорядкахъ того же дня.

Въ сказанный день, многочисленная толпа выходила изъ улицы св. Яна къ За̀мковой площади, съ крестами, образами, хоругвями и портретами Килинскаго [1]) (!!). Толпу приказано было остановить, и съ этою цѣлью посланы были на мѣсто казаки, безъ оружія, съ однѣми нагайками. Народъ кричалъ и грозилъ кидать камнями. Толпу на короткое время разогнали, но она съ разныхъ сторонъ собралась у Бернардинскаго костёла, въ которомъ совершалось отпѣваніе какого-то чиновника. Казакамъ приказано было препятствовать народу идти отъ этого костёла къ За̀мку (гдѣ жилъ намѣстникъ). Непослушнымъ сильно доставалось отъ нагаекъ, вслѣдствіе чего на лихихъ казаковъ посыпались камни. Въ свалкѣ, одна нагайка попала по монаху, внезапно появившемуся изъ костёла, съ крестомъ въ рукѣ. Масса разсвирѣпѣла. Въ это время генералъ Заболоцкій, видѣвшій во всякомъ сборищѣ неизбѣжную революцію и увѣренный, что причиною демонстраціи—земледѣльческое Общество, взялъ съ собою роту, которая, на всякій случай, была спрятана въ Примасовскомъ домѣ, и поспѣшилъ къ Намѣстниковскому плацу (гдѣ находился домъ, въ которомъ происходили засѣданія земледѣльческаго Общества). Пришедши туда (совершенно произвольно, потому что не получалъ ни отъ кого приказанія распоряжаться войсками), онъ замѣтилъ, однако, что тамъ и безъ этой роты войскъ довольно, а потому нашелъ нужнымъ возвратиться съ ротою въ Примасовскій домъ; но, при входѣ въ Козью улицу, Заболоцкій встрѣтилъ казака, съ извѣстіемъ, что около За̀мка бунтовщики бросаютъ въ войска камнями и разбиваютъ даже гауптвахту. Услужливый генералъ повелъ роту по указанію казака, но въ узкой части Краковскаго предмѣстья едва могъ пробраться сквозь густую толпу. Изъ оконъ домовъ посыпались на солдатъ камни, кирпичи и бутылки. Солдатамъ оказалось не въ моготу подобное глупое, ни къ чему не ведущее путешествіе, тѣмъ болѣе, что раздался изъ оконъ выстрѣлъ. Заболоцкій остановился и сказалъ: «Ну, такъ и вы стрѣляйте!» Этого достаточно было, чтобы слова превратились въ дѣло: нѣко-

[1]) Имя простаго сапожника Килинскаго—имя историческое, народное для поляковъ. Онъ, въ 1794 году, былъ предводителемъ возстанія въ Варшавѣ, когда вырѣзаны были русскія войска, состоявшія подъ командою Игельштрома, спасеннаго преданностью своей любовницы. Килинскій былъ произведенъ поляками въ генералы.

торые изъ солдатъ выстрѣлили, и оказалось убитыми пять человѣкъ—Рутковскій (помѣщикъ 23 лѣтъ), Брендель (технологъ), Корчевскій (помѣщикъ), Адашкевичъ (плотникъ) и Арцихевичъ (гимназистъ). Портреты этихъ «пяти апостоловъ-мучениковъ», какъ ихъ называютъ поляки, продавались при мнѣ въ Варшавѣ, на всѣхъ перекресткахъ, и расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ; а могила убитыхъ посѣщалась попреимуществу женщинами, которыя усыпали ее цвѣтами.

III.

Посѣщеніе намѣстника архіепископомъ Фіялковскимъ; упреки послѣдняго и его требованія. — Делегація. — Уничтоженіе ея. — Закрытіе земледѣльческаго Общества. — Катастрофа 27-го марта. — Снятіе русскаго орла и замѣна его бѣлымъ орломъ. — Безпорядки. — Графъ Замойскій. — Явный мятежъ на улицахъ. — Дѣйствія Хрулева. — Возстановленіе порядка войсками. — Кончина Горчакова. — Кратковременное управленіе Мерхелевича.

15-го февраля, въ день незабвенныхъ подвиговъ ретиваго Заболоцкаго, къ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову явился архіепископъ варшавскій Фіялковскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ городскихъ обывателей, и, выразивъ строгіе упреки намѣстнику «за отвратительныя мѣры и за болѣе чѣмъ непозволительныя дѣйствія правительства русскаго» (подлинныя слова Фіялковскаго), архіепископъ тутъ же требовалъ (!!) отъ представителя царя русскаго, чтобы князь Горчаковъ немедленно разрѣшилъ образованіе, изъ среды городскихъ обывателей, делегаціи, для водворенія порядка въ городѣ и для возстановленія общаго спокойствія жителей.

Князь Горчаковъ долженъ былъ согласиться на это наглое требованіе, потому что самъ потерялъ голову, а надѣяться на содѣйствіе своихъ помощниковъ онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ, ибо всѣ они обманывали его, въ чемъ онъ убѣдился 13-го и 15-го февраля. Такимъ образомъ, въ городѣ, принадлежащемъ Россіи, въ городѣ, находящемся въ управленіи правительства русскаго, образовалось другое правительство — революціонное.

Когда делегація (въ составъ которой вошли агенты всѣхъ польскихъ партій, безъ различія) исполнила свое дѣло, успокоивъ варшавскихъ обывателей тѣмъ, что съумѣла настоять на своемъ, администраторы наши, спавшіе долго летаргическимъ, сказочнымъ сномъ, вдругъ засуетились, и имъ пришла на умъ мысль (къ сожалѣнію, крайне опоздавшая), что делегація совершенно уничтожитъ значеніе нашего правительства, — значеніе, уничтоженное въ сущности не делегаціей, а событіями 13-го и 15-го февраля.

Однимъ почеркомъ пера делегація была уничтожена. Мѣра эта не могла не имѣть грустныхъ послѣдствій. Вкоренившееся въ народѣ неуваженіе къ русской административной власти, а съ этимъ вмѣстѣ одно лишь номинальное существованіе въ Варшавѣ полиціи [1]), возстановило снова въ городѣ совершенную анархію. Но этого мало: совѣтчики намѣстника уговорили князя Горчакова (который, вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній, сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ) уничтожить земледѣльческое Общество.

Но уничтоженіе земледѣльческаго Общества на самомъ дѣлѣ составляло только уничтоженіе его фирмы, ибо оно не прекратило своего существованія и стало дѣйствовать лишь съ бо̀льшей энергіей, съ бо̀льшей силой, съ бо̀льшимъ вредомъ для нашего правительства, потому что дѣйствовало подпольно.

Послѣдствіемъ уничтоженія земледѣльческаго Общества былъ рядъ безчисленныхъ манифестацій и демонстрацій, кончившихся второю катастрофою 27-го марта.

26-го марта [2]), съ ранняго утра, густыя массы народа, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, хлынули на Повонзковское кладбище поминать пятерыхъ февральскихъ покойниковъ; оттуда зашли на еврейское кладбище въ знакъ братской вѣротерпимости [3]) (какъ увѣряли поляки) и, наконецъ, къ 3-мъ часамъ по полудни начали собираться у дома кредитнаго Общества, для устройства манифестаціи въ честь только-что закрытаго агрономическаго Общества. Коноводы вошли черезъ главный входъ залы и начали работать на балконѣ, около вывѣски императорскаго герба. Сначала закрыли двуглавый орелъ зеленью, такъ что остался видѣнъ

---

[1]) Даже евреи, народъ далеко не строптивый и не храбрый, били полиціантовъ днемъ; только тогда, когда еврею надоѣдала эта гимнастика, онъ бросалъ полиціанту злотъ, за который послѣдній лобызалъ руку жида.

[2]) Въ этотъ день были похороны возвращеннаго изъ Сибири Стобницкаго. Похоронная процессія представляла весьма оригинальную картину и дала возможность приверженцамъ національности проявить ее публично. За гробомъ Стобницкаго шло нѣсколько десятковъ человѣкъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ, съ конфедератками краснаго, бѣлаго и голубаго цвѣта. Во время шествія, конфедератки расположились по цвѣтамъ и составляли такимъ образомъ родъ воевнаго конвоя.

[3]) Въ сущности, вѣротерпимости тутъ никакой не было; къ тому же, для польскаго духовенства и для истыхъ поляковъ, вѣротерпимость—грѣхъ тяжкій. Дѣло было гораздо проще: директоръ школы раввиновъ былъ ненавидимъ какъ евреями, такъ и поляками. Ненависть эту выражали ему и прежде, при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда толпа народа, 26-го марта, возвращалась съ Повонзковскаго кладбища, то вспомнили, что на еврейскомъ кладбищѣ похороненъ предшественникъ ненавидимаго директора школы раввиновъ, Тугенгольдтъ, и съ цѣлью выразить сочувствіе умершему и презрѣніе къ живому директору, пошли на могилу Тугенгольдта, у которой явившіеся ораторы произносили рѣчи, въ которыхъ мѣшали съ грязью живаго директора.

только бѣлый орелъ, находившійся на груди русскаго орла; по угламъ поставили четыре креста изъ бѣлыхъ лилій, а подъ бѣлымъ орломъ образъ Ченстоховской Божіей Матери. Потомъ перемѣнили декорацію: закрыли гербъ чернымъ крепомъ. Но вдругъ блеснула новая мысль и была приведена въ исполненіе: тотчасъ же принесли бѣлаго орла, сдѣланнаго изъ картонной бумаги, и подняли на балконъ. Послѣ троекратнаго подыманія и опусканія, орла этого приладили, наконецъ, кое-какъ къ крепу. Больше четверти часа раздавались крики радости и восторга. Генералъ-губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть, что тутъ творится. На вопросъ его: «Откуда набрали столько цвѣтовъ?» — кто-то изъ толпы отвѣчалъ: — «Намъ Литва и Украйна прислали цвѣтовъ!» Затѣмъ вся масса народа, построившись рядами, при пѣніи «Подъ твою защиту» и «Еще Польша не сгинѣла», съ бѣлымъ орломъ и фантастическимъ знаменемъ во главѣ шествія, направилась къ Новому Свѣту—къ дому графа Замойскаго[1]). Замойскій принялъ депутацію и поднесенный ему вѣнокъ и, отказавшись отъ остальныхъ предложеній депутатовъ, совѣтовалъ толпѣ разойдтись. Его послушали и стали расходиться.

Въ это время генералъ Хрулевъ (пріѣхавшій въ Варшаву 11 марта), по приказанію намѣстника, шелъ отъ Замка съ полуэскадрономъ жандармовъ и баталіономъ пѣхоты, черезъ Новый Свѣтъ къ дому кредитнаго Общества, дабы разогнать скопище и возстановить императорскій гербъ. На пути, Хрулевъ приказывалъ войскамъ по временамъ останавливаться и совѣтовалъ публикѣ разойдтись, но толпа не расходилась. За баталіономъ, посреди улицы какой-то уродъ, съ горбомъ спереди и сзади, страшно кривлялся, издѣваясь надъ войскомъ. Хрулевъ пришелъ къ дому кредитнаго Общества, но уже не засталъ бѣлаго орла на балконѣ, а потому возвратился къ Замку.

Тамъ выведенъ былъ на площадь, противъ толпившейся густой массы народа, другой баталіонъ пѣхоты. Выѣхалъ самъ намѣстникъ и приказалъ народу расходиться по домамъ, но толпа не расходилась и кричала, чтобы прежде убрали войско. Намѣстникъ объявилъ, что войска не тронутся до тѣхъ поръ, пока не разойдется толпа; въ противномъ случаѣ велитъ употребить силу. Тотчасъ послѣ этихъ словъ князя Горчакова, въ толпѣ послышались свистки и крики: «Ступай, старикъ, спать!» Намѣстникъ черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ, поручивъ начальнику штаба, Коцебу, уговаривать толпу разойдтись. Начальникъ штаба, послѣ тщетныхъ попытокъ, нашелъ нужнымъ ретироваться, предоставивъ окончить дѣло Хрулеву.

[1]) Замойскаго хотѣли везти въ кредитное Общество, оттуда въ церковь, чтобы короновать и провозгласить королемъ польскимъ, но онъ не рѣшился на этотъ рискованный подвигъ.

Тутъ начались переговоры. Хрулевъ совѣтовалъ толпѣ разойдтись, но безуспѣшно. Черезъ нѣсколько времени вновь явился Коцебу, съ приказаніемъ намѣстника не уводить войска, пока толпа не разойдется. Засимъ князь Горчаковъ прислалъ вторично приказаніе съ адъютантомъ своимъ Мейендорфомъ: «не уводить войскъ и въ случаѣ нужды стрѣлять». Хрулевъ продолжалъ уговаривать толпу. Между тѣмъ, два раза подъѣзжалъ къ Хрулеву адъютантъ намѣстника, съ приказаніемъ стрѣлять, если толпа не расходится.

Дѣло нужно было кончить, потому что уже смеркалось. Хрулевъ рѣшился прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, не желая стрѣлять въ безоружныхъ и въ женщинъ, стоявшихъ впереди толпы. Онъ, объявивъ толпѣ, что, не стрѣляя, беретъ отвѣтственность на себя, съ тѣмъ, чтобы толпа немедленно разошлась и не собиралась, и вслѣдъ за симъ велѣлъ войскамъ уйдти съ площади. Этотъ маневръ удался Хрулеву, и толпа разошлась.

Намѣстникъ дѣлалъ Хрулеву вѣжливые упреки за ослушаніе, но въ сущности былъ очень доволенъ, что дѣло обошлось безъ пролитія крови.

На слѣдующій день, 27 марта, часу въ шестомъ вечера, толпы народа снова, тысячами, хлынули на Замковскую площадь изъ всѣхъ ведущихъ къ ней улицъ.

Страшно было видѣть, какъ эта густая масса, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, полупьяная, ревѣла и ломилась впередъ къ Замку, готовая все опрокинуть и разрушить [1]). Въ толпѣ не было ни женщинъ, ни дѣтей.

---

[1]) Въ Варшавѣ находилась цѣлая колонія такъ называемыхъ выробниковъ (wyrobniki — поденщики), жившихъ на берегахъ Вислы въ маленькихъ близь лежащихъ улицахъ, помѣщаясь со своими женами и дѣтьми, лѣтомъ въ сараяхъ, подвалахъ и разныхъ коморкахъ, а зимою — въ шахтахъ, гдѣ производится складъ дровъ, сплавляемыхъ по Вислѣ. Эти выробники обложены были податью (не знаю, продолжается ли это до настоящаго времени), собираемою съ нихъ чрезъ посредство полиціи, въ количествѣ 27 грошей съ человѣка. Самый сборъ подати съ выробниковъ былъ очень затруднителенъ, потому что они не имѣли постояннаго мѣста жительства и безпрестанно переходили изъ одного помѣщенія въ другое: изъ погреба—въ шахту, изъ сарая—въ погребъ, а иногда даже просто на улицу, проводя ночь на углу какого нибудь дома, въ грязномъ глухомъ переулкѣ, или на пустопорожнемъ мѣстѣ. Выробники всячески старались избавиться отъ внесенія требуемой съ нихъ подати и прибѣгали для того къ разнымъ уловкамъ, къ разнымъ средствамъ, изъ которыхъ самое отчаянное, по ихъ мнѣнію, была больница. Они записывались въ больницы на недѣлю и болѣе, наговаривали на себя всякаго рода болѣзни, которыми, естественно, никогда не страдали. По истеченіи извѣстнаго срока, смотря по обстоятельствамъ, выробники выписывались изъ больницы, брали медицинское свидѣтельство о мнимой своей болѣзни, не позволявшей имъ работать, и такимъ образомъ избавлялись отъ платежа подати на три мѣсяца. По свѣдѣ-

Хрулеву было приказано вывести войска на площадь и разогнать толпу. Пять ротъ были расположены имъ фронтомъ къ центральнымъ улицамъ, съ полуэскадрономъ жандармовъ впереди и двумя сотнями казаковъ позади.

Едва показались войска, какъ изъ толпы послышались крики: «долой войска, долой!»

Полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, съ барабанщикомъ, пробрался въ средину толпы и послѣ троекратнаго барабаннаго боя прочелъ объявленіе, которымъ требовалось, именемъ закона, чтобы скопища разошлись, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неповиновенія, будетъ употреблена вооруженная сила.

Толпа отвѣчала криками, угрозами и ругательствами. Три раза повторялось чтеніе объявленія съ промежуткмми 10-ти минутъ, и каждый разъ безуспѣшно.

Не оставалось болѣе ничего, какъ употребить силу.

Полуэскадронъ жандармовъ двинулся впередъ малою рысью, осадилъ толпу къ тротуару и остановился. Офицеры уговаривали толпу разойдтись, но тщетно: буйство толпы усиливалось и скопище все дѣлалось гуще. Жандармы три раза возобновляли натискъ, разгоняя толпу саблями плашмя, толпа пятилась и тотчасъ же съ бо́льшею силою стремилась впередъ. Отважнѣйшіе изъ толпы бросались на жандармовъ съ палками и кидали въ нихъ камнями: два офицера и восемь рядовыхъ получили сильные ушибы. Послышались выстрѣлы изъ оконъ сосѣднихъ домовъ. Тогда жандармы были отведены въ резервъ, и выдвинуты впередъ три роты пѣхоты: одна къ Краковскому предмѣстью, другая къ Подвальной улицѣ, а третья къ Слѣпой. Послѣдняя рота разогнала скопившіяся тамъ для барикадъ извозчичьи коляски, которыя пробрались, однако же, въ Сенато́рскую, гдѣ вторично устроили барикады.

Войскамъ приказано было зарядить ружья, но офицеры, по приказанію Хрулева, все еще убѣждали толпу разойдтись и предваряли о послѣдствіяхъ ослушанія. Но всѣ усилія были напрасны. Тогда пѣхота бросилась впередъ и стала разгонять народъ прикладами. Средство это помогло лишь на короткое время: толпа росла съ неимовѣрной быстротой и неистово ревѣла. Оставалась

ніямъ, мною собраннымъ, въ бытность мою въ Варшавѣ, выробниковъ считалось тамъ отъ 15—20 тысячъ человѣкъ.

Во всѣхъ демонстраціяхъ и уличныхъ безпорядкахъ выробники принимали самое горячее участіе, получая отъ коноводовъ по 15 и 20 копѣекъ на человѣка.

На эту массу бездомныхъ и голодныхъ администрація наша не находила нужнымъ обратить вниманіе и оставила выробниковъ въ полномъ распоряженіи красной партіи.

крайняя мѣра: велѣно было стрѣлять. Головной полувзводъ далъ одинъ залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью.

Минутная тишина водворилась послѣ выстрѣловъ; толпы скрылись въ улицахъ, но не надолго. Раздались снова крики и ругательства; посыпались камни, и толпа съ новою силою устремилась впередъ. Головные взводы бросились, чтобы захватить предводителей безчинствъ.

Вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе революціонныхъ гимновъ со стороны Сенаторской; толпа, при входѣ въ улицу, стала на колѣна. Туда посланы были линейные казаки, по приближеніи которыхъ толпа скрылась за извозчичьи коляски, образовавшія барикады, и начала бросать въ казаковъ камнями. Линейцы были отведены назадъ. Упорство толпы на этомъ пунктѣ вынудило дать новый залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью. Доружки (извозчичьи коляски) разсѣялись, и по Сенаторской было сдѣлано еще пять залповъ. Такое же упорство толпы на Маріенштадтской улицѣ, послѣ атаки линейцевъ, заставило дать нѣсколько выстрѣловъ въ ту сторону и, наконецъ, въ Пивную. Это были послѣдніе выстрѣлы. По данному сигналу тревоги, войска появились изъ казармъ съ развыхъ сторонъ, и толпы народа скоро разсѣялись.

Такъ кончились безпорядки 27-го марта. Войска остались бивуакировать на сборныхъ мѣстахъ; а на другой день разбили палатки на четырехъ площадяхъ города.

Въ войскахъ нашихъ ранено и контужено палками и камнями 35 нижнихъ чиновъ. Въ толпѣ мятежниковъ, на мѣстахъ свалки, поднято убитыхъ 10, раненыхъ 5; прочихъ раненыхъ, унедшихъ или унесенныхъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею, было 108, изъ коихъ, по прошествіи двухъ недѣль, умерло 17 человѣкъ. Тѣла убитыхъ не были выданы жителямъ, чтобы не подать повода къ новой манифестаціи.

Болѣзнь и весьма скоро послѣдовавшая за нею кончина князя Горчакова поставили Варшаву въ положеніе чисто анархическое: не только исчезло всякое повиновеніе и уваженіе къ власти, но и самая власть не подавала никакого признака существованія. Кратковременное управленіе генерала Мерхелевича доказало еще болѣе безсиліе администраціи. Мерхелевичъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствіями своими заставить уважать себя, вздумалъ искать популярности. При Мерхелевичѣ возросъ религіозный фанатизмъ, раздуваемый ксендзами, и духъ своеволія всецѣло сталъ прививаться къ низшему классу населенія.

Таково было положеніе дѣлъ въ Варшавѣ до прибытія военнаго министра; таково было наслѣдство, оставленное княземъ М. Д. Горчаковымъ Н. О. Сухозанету.

IV.

Прибытіе въ Варшаву военнаго министра.—Первая мѣра, приведенная въ исполненіе Сухозанетомъ.—Безтактный пріемъ купечества.—Возобновленіе безпорядковъ.—Лица, вліявшія на военнаго министра.—Безсиліе администраціи.—Прокламаціи.—Какъ доходили въ Петербургъ извѣстія о происходившемъ въ Варшавѣ.—Назначеніе графа Ламберта и Герштенцвейга.—Отъѣздъ Сухозанета и пріѣздъ графа Ламберта.—Эпизодъ при прощаніи съ Сухозанетомъ.—Придуманная Хрулевымъ овація Ламберту.—Знакомство мое съ Герштенцвейгомъ.—Переѣздъ графа Ламберта изъ Лазенокъ въ Замокъ.—Похороны Фіялковскаго.—Размолвка Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ.—Дуэль.—Отъѣздъ графа Ламберта изъ Варшавы на островъ Мадеру, его женитьба и смерть.

Какъ ни важны были обстоятельства, принявшія особенно знаменательный характеръ въ глазахъ Западной Европы, какъ ни очевидны были приготовленія поляковъ къ возстанію общему, какъ ни явенъ былъ нравственный упадокъ нашей администраціи въ краѣ, военный министръ, по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву, не придалъ всему этому особенной важности и былъ убѣжденъ, что броженіе умовъ, грозившее взволновать всю массу народа польскаго, прекратится само собою.

Первые три или четыре дня пребыванія его въ Варшавѣ ознаменовались наружнымъ спокойствіемъ, или, точнѣе, какою-то сдержанностью, потому болѣе, что никто не зналъ, какой системы намѣренъ былъ придерживаться новый правитель; но чрезъ короткое время все пошло попрежнему.

Первая мѣра, которую полуумершій Сухозанетъ нашелъ нужнымъ привести въ исполненіе въ Варшавѣ, — мѣра, возбудившая всеобщій ропотъ и насмѣшки, — состояла въ отдачѣ приказанія, чтобы всѣ жители снимали передъ нимъ шапки. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ крайне безтактный пріемъ купечества,—пріемъ, сдѣлавшійся предметомъ безчисленнаго множества статей въ юмористическихъ заграничныхъ газетахъ. За симъ, не смотря на грозный конвой Н. О. Сухозанета (безъ котораго онъ никуда не показывался), не взирая на строгій приказъ о шапкахъ и даже на распущенные въ городѣ слухи, что, въ случаѣ неисполненія приказа, будутъ стрѣлять картечью, начался цѣлый рядъ уличныхъ манифестацій, болѣе или менѣе серьёзныхъ, имѣвшихъ лишь одну цѣль: дѣлать противное приказаніямъ и предписаніямъ и по мѣрѣ возможности проявлять полное неуваженіе къ администраціи.

По дряхлости, старости и болѣзни, военный министръ не могъ составить себѣ яснаго понятія о положеніи ввѣреннаго ему края, не могъ даже дать себѣ отчета, для чего онъ былъ посланъ въ Варшаву? Говорятъ, что поводомъ къ этому назначенію послужило

знаніе имъ польскаго языка, которому онъ научился, командуя когда-то артиллеріею въ Польшѣ. Сухозанетъ, естественно, подпалъ подъ вліяніе лицъ, его окружавшихъ, и притомъ такихъ, какими были: Крыжановскій, Енохъ и Веліопольскій.

При Сухозанетѣ уличныя безчинства, во главѣ которыхъ постоянно находились ксендзы, превратились въ какія-то сатурналіи. Люди умные, добросовѣстные, правдивые, какъ, напримѣръ, С. А. Хрулевъ, Павелъ Петровичъ Липранди (корпусный командиръ) и Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (комендантъ), отстранились отъ него, не желая быть свидѣтелями тѣхъ насмѣшекъ, которымъ военный министръ подвергался чуть не ежедневно.

Безсиліе русской администраціи дошло до того, что строгія прокламаціи Сухозанета, наклеиваемыя на всѣхъ углахъ варшавскихъ улицъ, немедленно были срываемы въ глазахъ полиціи и на ихъ мѣсто наклеивались прокламаціи революціонныя, которыя оставались неприкосновенными по нѣсколько сутокъ. Трудно повѣрить, но это фактъ: въ Замкѣ во всѣхъ корридорахъ наклеены были революціонныя прокламаціи.

Нужно замѣтить, что все творившееся въ Варшавѣ тщательно скрывалось мѣстною администраціею, и въ Петербургъ доходили свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ подвластномъ намъ городѣ путями окольными,—путями, къ которымъ относились съ недовѣріемъ и часто даже крайне недружелюбно. Главный принципъ, которымъ руководились лица, окружавшія намѣстника, заключался въ томъ, чтобы никого не обезпокоить.

Подобная система управленія не могла, однако же, въ концѣ концовъ, не имѣть самыхъ грустныхъ послѣдствій: противоборство, духъ самой наглой оппозиціи проникъ во всѣ слои народонаселенія; религіозный фанатизмъ, при явномъ содѣйствіи клерикальной партіи, скрывавшей свое темное дѣло подъ широкоразвернутымъ знаменемъ римско-католической церкви, развился съ силою потрясающею.

Народъ смотрѣлъ на всякое распоряженіе, на всякое проявленіе послѣднихъ признаковъ умирающей власти, какъ на безсознательное движеніе безнадежно больнаго.

Все это вызвало мысль назначить въ Варшаву болѣе свѣжаго человѣка, на мѣсто Сухозанета, — и графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, предназначавшійся на мѣсто варшавскаго генералъ-губернатора, явился туда въ качествѣ намѣстника; а генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ.

Въ назначеніи графа Ламберта играло немалую роль то обстоятельство, что онъ былъ католикъ, слѣдовательно не могъ не быть по вкусу полякамъ вообще и ксендзамъ въ особенности.

Всѣ неополячившіеся русскіе обрадовались этому назначенію,

полагая, что наконецъ дерзость и нахальство поляковъ будутъ укрощены новымъ намѣстникомъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву съ большими полномочіями.

Здѣсь остановлюсь на забавномъ эпизодѣ при прощаніи Сухозанета, въ Лазенковскомъ дворцѣ, въ которомъ уже поселился наканунѣ графъ Ламбертъ.

Всѣ мы приглашены были по этому случаю повѣстками. Собралось въ залѣ Лазенковскаго дворца немало публики. Дверь въ кабинетъ намѣстника, гдѣ находились отъѣзжающій Сухозанетъ и прибывшій графъ Ламбертъ, была затворена, и мы съ полчаса дожидались выхода военнаго министра. Наконецъ, онъ появился, и притомъ, видимо, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Н. О. подходилъ къ каждому изъ присутствовавшихъ, жалъ руку, благодарилъ, съ нѣкоторыми цѣловался и произнесъ за симъ рѣчь, обращенную ко всѣмъ и тронувшую самого оратора до слёзъ.

Таково было прощаніе наше съ военнымъ министромъ, котораго я увидалъ послѣ въ Петербургѣ, не у дѣлъ, безъ всякихъ конвоевъ, а за карточнымъ столомъ, къ которому онъ охотно приглашалъ «своихъ варшавскихъ сослуживцевъ», какъ онъ выражался.

Минутъ черезъ пять появился изъ кабинета графъ Карлъ Карловичъ, въ генеральскихъ эполетахъ безъ звѣздочекъ, такъ какъ онъ былъ произведенъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву, въ генералы отъ кавалеріи.

Сдѣлавъ общій поклонъ всѣмъ намъ, онъ подходилъ къ знакомымъ и жалъ имъ руку; Хрулева пригласилъ къ себѣ на чай въ тотъ же день вечеромъ; я тоже удостоился этой чести.

По возвращеніи изъ Лазенокъ, мы отправились съ Хрулевымъ обѣдать въ англійскую гостинницу Букереля и предполагали, что за предстоящимъ намъ, въ 9 часовъ, вечернимъ чаемъ намѣстника, онъ попроситъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, разсказать всю правду о томъ, что творилось и творится въ Варшавѣ. Но, увы! наши предположенія оказались невѣрными: графъ Ламбертъ разсказывалъ намъ очень много о Петербургѣ, о милостяхъ, которыхъ удостоился, о томъ, что онъ настоялъ на назначеніи варшавскимъ генералъ-губернаторомъ Герштенцвейга, и, наконецъ, о своемъ пріятелѣ Ѳ. М. Веригинѣ, котораго уговорилъ состоять при немъ. О событіяхъ варшавскихъ вовсе не «трактовалось», и графъ, прощаясь, объявилъ намъ, что послѣзавтра посѣтитъ Варшаву, заѣхавъ предварительно въ Замокъ.

По дорогѣ изъ Лазенокъ, Хрулевъ сказалъ мнѣ, что придумалъ для Ламберта великолѣпную встрѣчу у Замка. И дѣйствительно, онъ ее устроилъ очень своеобразно, но ловко.

Черезъ нѣсколько дней мы прочли въ иностранныхъ газетахъ «объ овацiи, которую сдѣлали польскiя дамы высшаго общества симпатичному графу, новому намѣстнику, призванному помощiю либеральныхъ нововведенiй доставить спокойствiе и счастье угнетенной странѣ».

Послѣ этого я довольно часто ѣздилъ къ графу Ламберту обѣдать, но о дѣлахъ мы съ нимъ ничего не говорили. Онъ познакомилъ меня съ А. Д. Герштенцвейгомъ, по пріѣздѣ послѣдняго въ Варшаву, сказавъ, что это его истинный другъ.

Съ Герштенцвейгомъ я сблизился, и онъ поручалъ мнѣ отъ врёмени до времени редакцію разныхъ записокъ, касавшихся Польскаго края.

При переѣздѣ изъ Лазенокъ въ Замокъ, графъ Ламбертъ, попавшiй всецѣло въ руки польскихъ монаховъ и ксендзовъ, совершилъ неимовѣрную безтактность: онъ велѣлъ отслужить въ Замкѣ молебенъ католическимъ духовенствомъ, тогда какъ въ Замкѣ существуетъ православная церковь. Это крайне удивило всѣхъ русскихъ и вызвало даже порицанiе нашего православнаго варшавскаго архiепископа, который нашелъ поступокъ новаго намѣстника вполнѣ вреднымъ для русскаго дѣла, для русскаго достоинства.

Но всѣ эти замѣчанiя и уличные безпорядки, начавшiеся вслѣдъ за переѣздомъ въ городъ намѣстника, не помогли русскому дѣлу въ Варшавѣ, потому что графъ Ламбертъ оказался орудiемъ клерикаловъ, и орудiемъ самымъ покорнымъ, притомъ пустымъ человѣкомъ, крайне фальшивымъ и ярымъ католикомъ.

Скандальныя похороны митрополита Фiялковскаго, отсутствiе на улицахъ во время этой процессiи, по требованiю делегатовъ отъ города, только-что введенной русской полицiи (генераломъ Потаповымъ, командированнымъ съ этою цѣлью въ Варшаву изъ Москвы, гдѣ онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ), пѣнiе революцiонныхъ гимновъ подъ аккомпанементъ оркестра, шедшаго за гробомъ, шествiе всѣхъ монашескихъ католическихъ орденовъ и бархатныя подушки съ коронами польскою и литовскою — переполнили терпѣнiе русскихъ.

Самъ графъ Ламбертъ, окруженный свитою и высшими чинами русской администрацiи, чрезвычайно спокойно смотрѣлъ изъ оконъ Замка на эту революцiонную демонстрацiю, находя ее, вѣроятно, вполнѣ легальной, такъ какъ она была устроена католическимъ духовенствомъ.

У Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ вскорѣ произошелъ сильный разладъ, который сталъ очень часто выражаться при свидѣтеляхъ и окончился американскою дуэлью на узелки, послѣдствiемъ которой было самоубiйство Герштенцвейга и внезапный

отъѣздъ графа Ламберта за границу, на островъ Мадеру, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, женившись предварительно на своей кузинѣ.

По прошествіи четверти столѣтія, когда я вспоминаю о томъ, что видѣлъ въ Варшавѣ, то мнѣ кажется, что это былъ сонъ, а не дѣйствительность. Предо мною представляются какія-то лица, лишенныя разсудка, рѣшившіяся розыгрывать кровавую драму съ шутовской обстановкой.

Этимъ я оканчиваю мои воспоминанія о Варшавѣ, — воспоминанія, которыя до сихъ поръ возбуждаютъ во мнѣ чувство сильно удручающее.

И. А. Арсеньевъ.